

СЛОВО
ИСКУССТВО

Музейон

Корней Чуковский

К 120-летию со дня рождения

В истории отечественной культуры мемориальные музеи занимают особое место. Многие посетители возвращаются в них снова и снова, открывая для себя все новые подробности жизни и судьбы человека, который им интересен и близок.

Исполнилось 120 лет со дня рождения Корнея Ивановича Чуковского (1882 — 1969). Все, что он сделал за свою почти семидесятилетнюю жизнь в литературе, отмечено ярким талантом и несомненной новизной, которую сегодняшние почитатели и исследователи его творчества только начинают осознавать. «Новизна была для Чуковского величайшей эстетической ценностью — утрата новизны расценивалась им как потеря красоты... Исповеданием Чуковского — «темой жизни», как сам он это называл, — был синтез демократии и культуры» (М. Петровский). «Литература действительно была... его единственно нормальной средой, его человеческим и политическим убежищем... Даже в русском двадцатом веке, в котором служение слову уж подлинно заменило религию, я не назову другого такого человека, который бы так обожал словесность» (Д. Быков). «Корней Чуковский — сам по себе культурное явление... особый случай, штучное изделие» (Б. Парамонов).

Чуковский оставил нам уникальный метод достижения творческой свободы: он интуитивно уходил в «неподцензурные» жанровые ниши, неколебимо сохраняя свое мировидение, взгляды и вкусы, оставаясь проводником «Серебряного века в веке советского железа».

Поражает его творческая полифония: критик-художник, мастер литературного портрета, блестящий мемуарист XX века (его «Дневники» сегодня особенно часто цитируют), литературовед, очистивший Некрасова от хрестоматийного глянца («Мастерство Некрасова»), филолог, остро ощущавший вторжение в язык «низовой» культуры («Живой как жизнь»), основатель теории литературного перевода, переводчик Р. Киплинга, О. Уайльда, У. Уитмена, первооткрыватель в изучении особенностей детского языка и детской психологии («От двух до пяти») и, наконец, замечательный детский поэт-сказочник, на книжках которого воспитывались многие поколения на протяжении почти целого столетия. Чуковский «ушел в детство», как в девятнадцатом веке «уходили в народ», пишет М. Петровский, его сказки и стихи «переменили самый состав крови детской литературы». Но это не было бегством от главного, потому что главная надежда Чуковского была связана с существованием бессмертного племени детей.

Сегодня в нашем Музейоне — рассказ о Доме-музее Корнея Чуковского в подмосковном Переделкине и публикация писем из архива писателя.

Дом-музей Корнея Чуковского в Перedelкинe

Сегодня в перedelкинский Дом-музей Корнея Ивановича Чуковского приходят люди всех возрастов и профессий: учащиеся школ и гимназий, маленькие дети и пенсионеры, студенты и ученые, те, кто вырос на сказках писателя, и те, кто ценит его как исследователя литературы, — словом, вся Россия.

Рассказывая о Доме Корнея Чуковского в юбилейный год 120-летия писателя, нельзя не вспомнить о драматической судьбе этого уникального музея. Представляем читателю эту своеобразную историческую хронику.

Корней Иванович получил дачу в Перedelкинe в начале 1938 года и прожил там тридцать один

год — до 5 октября 1969 года. С середины 50-х годов большую часть времени он жил за городом безвыездно, зимой и летом. Он перевез туда свой письменный стол и всю библиотеку — более пяти тысяч книг с многочисленными пометками и дарственными надписями. Здесь же хранился (и частично хранится до сих пор) его богатейший архив.

В перedelкинском доме Корней Иванович написал много стихов для детей. Его сказка «Бибигон» так и начинается: «Я живу на даче в Перedelкинe...» Тут писал Чуковский и свои книги для взрослых — «Живой как жизнь» (разговор о русском языке), «О Чехове», книги и статьи об Уитмене, Некрасове, об искусстве ху-

дожественного перевода и о многом другом. На поляне возле дома проводил он знаменитые костры «Здравствуй, лето!» и «Прощай, лето!», в этих праздниках участвовали тысячи ребятишек из окрестных деревень и пионерских лагерей.

Три десятилетия жизни Чуковского прошли в Перedelкинe. Именно тут, на перedelкинских дорожках, в окружении многочисленных почитателей и соседских ребятишек вспоминают его десятки мемуаристов, опубликовавших о нем свои воспоминания. Его гостями были многочисленные деятели культуры, специалисты по русской и англоязычной литературе со всех концов земли. Сюда, в перedelкин-

*К. Чуковский — почетный доктор Оксфордского университета.
Переделкино, около 1963*

*Столовая в доме К. Чуковского.
На стене портрет актрисы Н. Комаровской работы художника К. Коровина*

ский дом, пришли известия о присуждении Чуковскому Ленинской премии (1962 г.) и об избрании его почетным доктором литературы Оксфордского университета (из русских писателей такой чести до Корнея Ивановича удостоились Жуковский и Тургенев). Там же летом 1941 года Корней Иванович прочитал записку от своего младшего сына Бориса о том, что тот уходит добровольцем в московское ополчение. В октябре 1941 г. Борис Корнеевич погиб в боях под Москвой.

Корней Иванович ощущал себя столь связанным с Переделкиным, что, похоронив на переделкинском кладбище свою жену, завещал там же похоронить и себя. Сейчас над их общей могилой стоит памятник, выполненный скульптором Ильей Слонимом.

После кончины Чуковского в октябре 1969 года в его дом началось стихийное паломничество читателей, детей и взрослых, со всех концов Советского Союза. Поток посетителей был столь велик, что постепенно, с конца 1972 года, были установлены постоянные приемные дни, заведены книги отзывов. Секретарь Корнея Ивановича Клара Лозовская, проработавшая с ним семнадцать лет, провела сотни экскурсий; позже появились и добровольные экскурсоводы, работавшие на общественных началах.

В 1975 году Министерство культуры Российской Федерации взяло Дом Чуковского под охрану государства как памятник истории и культуры. К 1982 году, когда отмечалось 100-летие Чуковского, в Доме побывало свыше 30 тысяч человек (без каких-

либо объявлений о Музее); книги отзывов (шесть толстых тетрадей) были заполнены благодарственными записями учителей литературы, инженеров, преподавателей вузов, детскими рисунками и стихами.

Газеты писали о Доме Чуковского как о существующем музее. «Литературная Россия» в статье «Об увековечении памяти писателей в Москве и Подмосковье» 9 февраля 1973 года сообщила, что Секретариат правления московской писательской организации принял постановление по увековечению памяти советских писателей. В этой же статье говорилось, что выдвинуто предложение о создании музея Корнея Чуковского в Переделкине.

Всенародный интерес к Дому Чуковского возрастал с каждым годом. Он был обусловлен не

только любовью к книгам писателя, но и многими особенностями демократической личности самого Корнея Ивановича. При жизни он был доступен для множества людей, они шли к нему запросто со своими заботами, просьбами и нуждами.

Обстановка дома хранила следы многих линий жизни и литературной работы Корнея Ивановича. На стенах — рисунки Владимира Маяковского, Ильи Репина, Бориса Григорьева. Гравюры 60-х годов XIX века — отзвук постоянного интереса Чуковского к биографии Н.А. Некрасова. Книги на полках отражали многосторонние литературные связи и интересы Чуковского — от шуточных экспромтов Самуила Маршака до бесчисленных пометок Корнея Ивановича на томах собрания сочинений Чехова. «Эта комната — одушевленная, сложившаяся десятилетиями, вещественно воплощенная часть истории русской литературы. Здесь все как было в день его смерти, и для нас, его современников, и для тех, кто пришел и еще придет нам на смену. И надо, чтобы все так и осталось, как было», — писал Вениамин Каверин в своих воспоминаниях о Чуковском. Близкие Корнея Чуковского выполнили свой долг перед его памятью, а Министерство культуры предприняло необходимые шаги по охране его мемориального дома.

Однако в 1982 году дом, кабинет, библиотека — весь этот мир Чуковского оказался перед угрозой уничтожения. По решению секретариата Союза писателей СССР было начато судебное дело по выселению семьи Чуковского (а значит, и музея) из переделкинского дома. Несмотря на первоначальное сочувствие местной судебной власти (судья Ольга Широкова отказала Литфонду в иске), после целого ряда махинаций аппарата Союза писателей СССР Дом Чуковского был исключен из числа охраняемых государством памятников культуры. Предстояло выселение и даже снос дома.

Во всех этих действиях проявилось злостное неуважение к труду — к литературному труду

самого Корнея Ивановича, к труду его семьи по сохранению и пропаганде его литературного наследия, к труду десятков самоотверженных людей, которые возродили дом из разрухи в ходе народной стройки летом 1982—83 годов. И наконец — к воле десятков тысяч людей, которые приезжали в Переделкино, чтобы познакомиться с домом и обстоятельствами жизни любимого писателя.

В защиту Дома Чуковского выступали писатели, артисты, ученые. Последнее в жизни письмо, подписанное академиком Петром Леонидовичем Капицей, было о Доме Чуковского. К сожалению, его усилий, как и заступничества С.В. Образцова, А.И. Райкина, Д.С. Лихачева, В.А. Ка-

верина и многих, многих других, оказалось недостаточно. Защитники музея Чуковского не знали тогда о директиве Ю.В. Андропова, направленной в ЦК КПСС 14 ноября 1973 года под грифом «Секретно»:

«В последние годы ЧУКОВСКАЯ изготовила и передала на Запад ряд клеветнических документов, в том числе так называемое «Письмо к Шолохову», «Не казнь, но мысль. Но слово», «В редакцию газеты "Известия"», в которых выражала поддержку лицам, осужденным за антисоветскую деятельность.

В 1961 году ЧУКОВСКАЯ познакомилась с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ и с тех пор способствует его антисоветской деятельности, стремится консолидировать лиц,

А.К. Чуковская. Переделкино. 1987

Кабинет К. Чуковского

стоящих на антиобщественных позициях.

Из оперативных источников известно, что ЧУКОВСКАЯ для встреч с иностранцами использует дачу Литературного фонда Союза писателей СССР в поселке Переделкино, выделенную в свое время К. Чуковскому. Для закрепления права пользования дачей за собой на будущее ЧУКОВСКАЯ добивается превращения ее в литературный музей отца, рассчитывая стать его директором. В последние дни получены данные о том, что ЧУКОВСКАЯ предложила проживать на даче в зимний период СОЛЖЕНИЦЫНУ, который дал на это предварительное согласие.

С учетом изложенного считаем целесообразным предложить Секретариату Союза писателей СССР отказать ЧУКОВСКОЙ в создании музея в поселке Переделкино.

Председатель Комитета госбезопасности АНДРОПОВ.

На эту директиву последовал быстрый ответ заместителя заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. Беляева. Уже через два месяца, 15 января 1974 года, он сообщил:

«Союз писателей СССР не считает возможным создавать музей на даче Корнея Чуковского в Переделкино. Об этом докладывалось в ЦК КПСС в записке Отдела культуры ЦК КПСС от 11 декабря 1969 г.

Решением секретариата Правления московской писательской организации от 9.01.74 года Л. Чуковская исключена из членов Союза писателей СССР за грубые нарушения Устава СП СССР».

К счастью, как и в сказках Чуковского, зло не смогло расправиться с добром.

«Руководители Союза писателей забывают, — сказано в одном из писем к министру культуры П.Н. Демичеву в защиту Дома, — что есть вещи, которые даже они не могут отменить.

Они не в силах вытравить память о Корнее Чуковском, оставшуюся в сердцах миллионов его читателей, погасить интерес к его личности, биографии, к обстановке его жизни. Они не властны заглушить звуки шагов и голоса десятков тысяч посетителей его Дома...»

Остановить неотвратимое разрушение музея удалось только в годы перестройки. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев — председатель Советского фонда культуры, добился отмены позорных судебных решений. Дом Чуковского был признан памятником истории и культуры. По решению Фонда культуры начался ремонт дома. Позднее министр культуры Е. Сидоров передал переделкинский дом Корнея Чуковского Государственному литературному музею. Наконец, после двухлетней кропотливой реставрационно-строительной работы, проведенной специалистами этого старейшего культур-

На книжной полке в кабинете — Шалтай-Болтай — персонаж народной английской песенки

ного учреждения страны, дом открылся для посетителей.

«...Ура Корнею! Ура Ивановичу! Ура Чуковскому!»

Так откликнулась на открытие Дома-музея Корнея Ивановича Чуковского в Переделкине одна из московских газет 5 июня 1996 года. Еще два года тому назад почитатели писателя, грустно бродившие возле покосившегося здания с прогнившими балконами и разобранными полами, не могли и мечтать о таком событии.

И вот теплым и добрым июньским днем у парадного входа на террасе первого этажа директор Государственного литературного музея Наталья Владимировна Шахалова и министр культуры России Евгений Сидоров встретили первых посетителей возрожденного музея.

Опять, как и прежде, книжные полки и шкафы заполнены книгами. На прежних местах развешаны картины, рисунки, фо-

тографии — мемориальная обстановка восстановлена исключительно точно, словно и не было печальных лет изматывающей борьбы за спасение памяти, за сохранение истории. Радости и гордости многочисленных друзей дома нет предела, ведь именно благодаря их помощи состоялось сегодняшнее празднество. Дом жив, музей существует!

Перед руководством Государственного литературного музея, заведующим Домом-музеем Корнея Чуковского и его сотрудниками встала новая непростая задача — не только обеспечить цельность экспозиции и сохранить существовавшие в этих стенах традиции, но и развивать их, учитывая изменения, которые произошли в стране. И, конечно, — сохранить память о человеке, роль которого в борьбе за этот дом была решающей — Лидии Корнеевны Чуковской. Именно ее вера в силу правды, ее подтвержденный нелегкими ис-

пытаниями авторитет помогли выстоять и победить.

Самой Лидии Корнеевне не довелось увидеть полного осуществления своей мечты. 11 февраля 1996 года в печальном, заснеженном Переделкине мы прощались с ней в отремонтированном, но пока еще совершенно пустом доме. Теперь комната, где работала Лидия Корнеевна в последние годы жизни над книгами «Записки об Анне Ахматовой», «Процесс исключения», «Прочерк», «Открытое слово», «Памяти детства», обрела свой прежний вид.

В соседней комнате первого этажа немало лет прожил Николай Корнеевич Чуковский. «Комната Корнеевич Чуковский» называют ее домашние. Сегодня экскурсоводы, приглашая гостей в эту комнату и рассказывая о творчестве талантливого писателя, нередко называют ее и «комнатой Солженицына». Действительно, осенью 1973 года по приглашению Ли-

Портрет К.И. Чуковского работы И.Е. Репина. Куоккала, 1910.
Надпись на портрете:
*«Дорогому Корнею Ивановичу. Надеюсь — великой надежде
русской литературы. 1912 г., 15 июня. Илья Репин»*

дии Корнеевны здесь, в этой комнате, поселился Александр Исаевич Солженицын и, вплоть до ареста и высылки, работал за своим «походным» письменным столом, который теперь стал неотъемлемой частью экспозиции. На этом столе хранится телеграмма Лидии Корнеевны Союзу писателей СССР в защиту Александра Исаевича, его автографы, книга «Бодался теленок с дубом», подаренная Дому-музею.

Само время побуждает работников музея к более глубокому осмыслению истории и литературного процесса.

Пришла в дом Чуковского и современная техника. Без нее экскурсоводу сегодня не обой-

тись. Например, телевизор. В доме Корнея Ивановича Чуковского он появился когда-то только после многочисленных просьб кухарки и находился в ее комнате за кухней. В те годы Корней Иванович с грустью говорил о невысоком культурном уровне телевизионных передач. Одной из главных задач его жизни было приобщить детей к хорошей книге, научить их активно, а не потребительски относиться к культуре.

На телевизионном видеоэкране уникальные кадры из фильмов о Чуковском. Ведь с каждым годом все меньше остается людей, встречавшихся с ним, слушавших его лекции, видевших

его в школах, детских садах, на знаменитых праздниках-кострах. И вот теперь гости музея радуются встрече с Корнеем Ивановичем в фильмах Марианны Таврог «Чукоккала», Дмитрия Чуковского «Огневой вы человек», а также в замечательном «Телефоне», мультфильме 1944 года.

А голос Корнея Ивановича! Еще в 1984 году вышло уникальное звучащее собрание сочинений писателя (составитель Лев Шилов). Именно писателя! Не музыканта, не композитора, а писателя, чутко слышавшего слово и поверявшего каждую написанную строку гармонией звука. 12 пластинок-гигантов быстро разошлись по коллекциям многочисленных любителей литературы. К величайшей нашей радости, Отдел звукозаписи Государственного литературного музея уже подготовил к выпуску новое издание звучащего собрания сочинений Корнея Чуковского на компактдисках.

Сам Корней Иванович не раз говорил о магии звучащего слова, особенно поэтического. «...Опьянение звуками было главным условием его творчества, — писал он о Блоке. — Каждое его стихотворение было полно многократными эхами, переключками внутренних звуков, внутренних рифм... Каждый звук будил... множество родственных отзвуков, которые словно жаждали возможно дольше остаться в стихе, то замирая, то возникая опять». Поэзия была одним из сильнейших увлечений Корнея Ивановича и его дочери Лидии Корнеевны. Музей считает своим долгом передать эту любовь следующему поколению читателей. В Доме-музее сохранились грампластинки с голосами знаменитых писателей — Блока, Ахматовой, Пастернака, Зощенко... На одной из пластинок стихи Осипа Мандельштама читает Лидия Чуковская.

На экскурсиях наши посетители могут услышать не только стихи в авторском исполнении, не только голоса литераторов, но и «голоса» экспонатов. На встречах с детьми мы демонстрируем аудиозапись разговора Чуковского с игрушечным львом, говоря-

щим по-английски. Корнею Ивановичу особенно нравилась его фраза «Я буду вас защищать!».

Детские праздники на даче Чуковского — сколько радости и веселья принесли они детворе! Не меньшее удовольствие получал от них и хозяин, кружась вокруг костра в хороводе своих маленьких друзей.

«...Однажды под Лугой я... в незнакомой глуши провел часа три с детворой, которая копошилась у лесного ручья, — вспоминает Корней Иванович в книге «От двух до пяти». — Мы лепили из глины человечков и зайцев, бросали в воду еловые шишки, ходили куда-то дразнить индюка и расстались лишь вечером, когда грозные родители разыскали детей и с упреками увели их домой.

На душе у меня стало легко. Не огорчало меня даже то, что дети, увлеченные лепкой из гли-

ны, усердно вытирали загрязненные руки о мои холщовые штаны, которые из-за этого стали пятнистыми и так отяжелели, что их приходилось поддерживать. Эта трехчасовая свобода от взрослых забот и тревог, это приобщение к заразительному детскому счастью, все это пробудило во мне давно забытое упоение жизнью...»

Продолжение этой веселой и славной традиции — тоже забота сотрудников музея. В глубине участка вновь раздаются детские голоса и смех, идут представления, звучат стихи. Как и прежде, юные читатели встречаются со своими любимыми авторами.

Чтобы юные посетители как можно раньше узнавали о Корнее Чуковском не только как о детском писателе, но и как об энциклопедически образованном литераторе, посвятившем всю свою жизнь научным иссле-

дованиям в области литературоведения, русского языка, перевода, в музее придумали и разработали для старшекласников новые темы экскурсий: «Серебряный век в судьбе Чуковского», «Некрасов и Чуковский», «Уроки Чехова». А с маленькими гостями тут играют в «Веселую Чукоккалу», путешествуют «По следам Бибигона», празднуют «Книжкины именины» и отмечают «Праздник Букваря».

Различные темы и типы экскурсий разрабатываются на творческих семинарах, которые проходят в музее. На семинарах обсуждали литературно-критическую работу Корнея Чуковского в начале века, текстологические и архивные исследования трудов Некрасова, историю нелегкого пути стихотворных сказок к маленькому читателю («Борьба за сказку»). Семинары «Александр Солженицын», «Бо-

Ретин в гостях у Чуковского. На диване Мария Борисовна, Корней Иванович, Наталья Борисовна Нордман-Северова (жена Ретина) и Коля. Слева Илья Ефимович и Лидка. Куоккала. 1913

рис Пастернак», «Лидия Чуковская» помогали проводить Евгений Пастернак и Елена Чуковская.

Непрерывность культуры, духовное единство творческих людей подтверждается на встречах друзей Дома Чуковского в дни памяти писателя. Сюда, в Переделкино, в день его рождения приезжали и приезжают те, кто дружил и общался с ним: писатели Лидия Либединская, Владимир Корнилов, Валентин Берестов, Инна Лиснянская, Семен Липкин, Евгений Евтушенко; ученые-литературоведы Вячеслав Иванов, Леонид Крысин, Валентин Непомнящий, Евгений Пастернак... А также новые добрые друзья и помощники музея — Юрий Карякин, Евгений Ефимов, Борис Ильич и Надежда Михайловна Булочники, Евгений Ямбург, — список этот можно продолжать, но, будем надеяться, завершен он никогда не будет.

Сотрудники музея устраивают в этот день тематические выставки, где представлено участие Корнея Чуковского в литературных событиях, его творческие и личные взаимоотношения с литераторами и общественными деятелями (выставки об Анне Ахматовой, Иосифе Бродском, Александре Галиче, Владимире Жаботинском, о работе издательства «Всемирная литература» и другие). К 120-летию Корнея Чуковского с помощью научного отдела Государственного литературного музея была открыта выставка «Его современники», рассказавшая о том, как связи Чуковского с литературой «серебряного века» продолжились в литературе советского и постсоветского времени.

Огромный материал для исследователей содержит библиотека Корнея Ивановича. Сотни книг с интереснейшими пометками, сделанными им при чтении, нуждаются в тщательном изучении и классификации.

Благодаря архиву писателя пишутся и печатаются статьи, создаются радиопередачи, снимаются фильмы, издаются книги и компактдиски. За последние годы Государственный литературный музей и Дом-музей Корнея

Чуковского подготовили и выпустили репринтные издания первых сказок Чуковского с иллюстрациями знаменитых художников начала века — Юрия Анненкова, Мстислава Добужинского и других. К читателю вернулась легендарная «Елка», сборник произведений для детей, — к этому изданию в 1918 году Чуковский привлек таких писателей, как Саша Черный, Владислав Ходасевич, Валерий Брюсов. В эту детскую книгу дали свои рисунки Илья Репин, Александр Бенуа, Сергей Чехонин.

Когда-то весь обширный архив Чуковского хранился в переделкинском доме. По газетной привычке Чуковский ничего не писал в стол, все, что он писал — он писал для печати. Исключение составлял дневник, который он вел на протяжении всей жизни. В архиве, кроме многочисленных писем, хранилась также «Чукоккала» — рукописный альманах, который Чуковский собирал начиная с 1914 года.

При жизни Корнея Ивановича вышло единственное собрание его сочинений в 6 томах (Худож. литература, 1965—1969). Чуковский считал его неудачным, так как ему не дали поместить туда многие дореволюционные критические статьи, которые в советское время принято было тритировать как субъективные.

Лишь через двадцать лет, после того как в России была отменена цензура, появилась возможность напечатать 7-й том по оглавлению, составленному самим автором (*Корней Чуковский. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2: Критические рассказы. М.: Правда, 1990 (Б-ка «Огонек»)*). Был напечатан также «Дневник» (М.: 1991, 1994) и «Чукоккала» (в 1979 году — с многочисленными цензурными купюрами, и в 1999-м).

Составлена полная библиография трудов Чуковского и всего, что было написано о нем. См.: *Д.А. Берман. Корней Иванович Чуковский. Биобиблиографический указатель. Изд. фирма «Восточная литература».* М., 1999.

В наши дни изд-во «Тerra — Книжный клуб» выпускает пятнадцатитомное Собрание сочи-

нений Корнея Чуковского. Первые пять томов уже вышли. Готовятся к изданию 6—8-й тома, которые открываются вступительной статьей Е.В. Ивановой «Неизвестный Чуковский» и включают впервые собранные под одной обложкой критические статьи Чуковского о русской литературе. В Собрание войдет также «Дневник» в более полном виде и тома переписки с писателями.

В планах музея — создание интернет-сайта, пользователи которого могли бы совершить не только виртуальную экскурсию по Дому Чуковского, но и обратиться к многочисленным трудам Корнея Ивановича. Здесь можно будет услышать голос Чуковского и увидеть фрагменты фильмов с его участием. Хочется искренне поблагодарить руководителей «Мастер-банка», поддерживающих Дом-музей Чуковского во многих подобных начинаниях.

Время безжалостно к людям и к памятникам материальной культуры. «Ржавеет золото и истлевает сталь, крошится мрамор — к смерти все готово», — писала Анна Ахматова. Сохранить и передать будущим поколениям памятники эпохи — дело непростое. Дом Корнея Чуковского — тому подтверждение. Но этот Дом и этот музей — еще и доказательство того, что подвижничество служение людям всегда порождает новую культурную волну, способную смыть бездарность и пошлость.

Да, время не щадит никого. С каждым годом растет, расширяется переделкинское кладбище на берегу реки Сетуни... Но не оскудевает поток почитателей любимого писателя, идущих в его Дом. И возрожденный звон колоколов древнего переделкинского храма напоминает о неразрывности традиций родной культуры.

*Заведующий Домом-музеем
А.А. Шилов,
Е.Ц. Чуковская, С.В. Агапов,
П.М. Крючков*

Корней Чуковский и Надя Шаманина. Переделкино. 1962

Корней Чуковский. Из переписки с женой (1904—1916)

За свою жизнь Чуковский написал множество писем, которые ждут своего издателя. Из его обширной семейной переписки готовится к печати переписка со старшим сыном Николаем и со старшей дочерью Лидией.

Сохранились письма Чуковского к жене, относящиеся к дореволюционному времени.

Писем этих очень много, и они никогда не печатались. Для этой публикации отобраны те письма, которые касаются малоизвестных страниц биографии Чуковского и охватывают начало его пути в литературе — период между двумя поездками в Англию — в 1904 и в 1916 годах.

К.И. Чуковский начал печататься с 1901 года в газете «Одесские новости». Первые его статьи были посвящены философским вопросам. Тогда же, в 1901 году, девятнадцати лет от роду, он женился на Марии Борисовне Голдфельд.

Летом 1903 года он был послан в Лондон корреспондентом от газеты и уехал туда вместе с женой. В Англии он навсегда увлекся английской литературой, проводил все время за чтением в Британском музее, материально бедствовал, жил впроголодь в дешевых пансионах. Жена его в 1904 году вернулась в Одессу, где родился их старший сын Николай. В конце 1904 года вернулся и Корней Иванович. После революции 1905 года Чуковский сделался редактором-издателем журнала «Сигнал» в Петербурге. Когда начались гонения на журнал, Чуковский пробовал спасти его, переименовав «Сигнал» в «Сигналы». Однако журнал был вскоре запрещен, а редактор-издатель отдан под суд. Но в конце концов его оправдали.

С 1907 года Чуковский с семьей жил под Петербургом в финском поселке Куоккала. Он постоянно печатал критические статьи в газетах и журналах и часто ездил по стране с лекциями. Его письма к жене из таких поездок печатаются ниже.

И, наконец, несколько писем относится ко второй поездке Чуковского в Англию в 1916 году с делегацией русских журналистов. Во время Первой мировой войны Англия была нашим союзником, и британское правительство пригласило к себе русских журналистов, которые были приняты на самом высоком уровне — королем и многими министрами. Об этой поездке ее участники написали статьи, корреспонденции для своих газет и даже книги. Так, В.Д. Набоков выпустил книгу «Из воюющей Англии», А.Н. Толстой — «Англичане, когда они любезны», а Чуковский — «Англия накануне победы».

Отсылаем заинтересованного читателя к этим изданиям, а также к дневнику К. Чуковского (М.: Сов. писатель, 1991, 1994) и к его воспоминаниям о «Сигнале» (Собр. соч. Т. 4. М.: Терра — Книжный клуб, 2001. В примечаниях все ссылки на произведения Чуковского даются по этому изданию, причем указывается только номер тома).

Немногие письма (о второй поездке в Англию) находятся в Стокгольмском архиве и печатаются по копиям, любезно мне предоставленным. Большинство писем хранится у меня и печатается по оригиналам.

К сожалению, все письма и открытки не датированы. Датировка сделана по содержанию или почтовому штемпелю. Написание имен, названий и некоторых слов сохранено, как было у автора.

[весна 1904]

Боже мой, девочка дорогая, как бы мне хотелось, чтобы ты знала английский, чтобы ты могла с такой же легкостью, с таким же наслаждением читать эту «Vanity Fair»¹. Через недели полторы я тебе пошлю эту книжку, подготовься к ней, и — если ты до родов прочтешь ее — знание

языка тебе обеспечено. Кончила Вольтера? Что твои «птички», Birds? Я посылаю тебе слова к Карлейлю² — выучи их раньше, а потом берись за чтение. Я читаю «Дон Жуана» — и прихожу в восторг. Это что-то сверхъестественное. Когда пройдет моя тоска, я возьмусь за «Онегина»³.
<...>

¹ Упомянута книга английского писателя Уильяма Теккерея «Ярмарка тщеславия». В другом письме из Лондона К. И. посылал жене целый словарь к «Ярмарке тщеславия» и писал: «Боже мой... как бы мне хотелось, чтобы ты знала английский, чтобы ты могла с такой же легкостью, с таким же наслаждением читать эту «Vanity Fair»».

² Томас Карлейль (1795—1881), английский писатель, историк.

³ Чуковский тогда писал пародию «Нынешний Евгений Онегин» (см.: Одесские новости, 1904, 25 декабря; 1905, 1 января, а также сб.: Судьба Онегина / Сост., вступ. статья, комментарий В. и А. Невских. М., 2001).

Лондон. 1904

Лондон, 1904. Снимал К. Чуковский. Фотография вклеена в его дневник

В Музее⁴ уже зазвонили, уходить пора. Пойду отнесу домой словарь и пройдусь немного. Чудная моя, единственная — прощай пока.

Утро. Четверг. Я не мог идти сегодня в Музей, я все ждал «тук-тук», думал, почтальон принесет письмо от тебя — большое, тяжелое. Нет, одна газета — тощая, куцая, с фельетоном Геккера⁵. Я не беспокоюсь — я уверен, что с тобой ничего случиться не могло, — но досадно и скучно.<...>

День хороший, мягкий. Часы бьют три четверти какого-то... Я только что читал «Vanity Fair». Странное производит на меня впечатление этот роман. Понимаешь ли, — наивный, старинный (написан в 1846—1848 гг.). Масса отвлечений от темы, личных рассуждений автора. Типы неглубокие и при том, если Тэкерейю хочется, чтобы между ними получилась интересная коллизия, — он их за уши притягивает, что у него чрезвычайно ребячливо и мило. Но наблюдательность, удивительный юмор, чудный язык, лиризм, и, главное, красота общей мысли (что вся машина жизни держится на пустом тщеславии, на суе — vanity) — все это делает чтение истинным на-

слаждением. К тому же всё действие происходит на Russel Square, на Southampton Row, на Oxford street⁶. Интересно: это был первый роман, который сделал Тэкерейю славу. До тех пор его никто не знал, хоть он писал уже 13 лет. И чуть только Т[экерей]й попал в моду, чуть только с ним стали водить знакомство лорды и князья, сам он заболел таким мелочным тщеславием, такую vanity, какие не снились его героям «Vanity Fair». <...>

Мне всегда страшно кончать письмо к тебе — это ведь тоже расставание в миниатюре. У Тэкерейя — есть героиня, которая родила через 3 месяца после того, как ее мужа убили на войне. И полюбила ребенка до того, что вполне утешилась в потере обожаемого husbanda⁷. Я ужасно на нее сердит. Отсюда мораль: люби меня ровно столько, как и нашего будущего хлопца, но не меньше...

[3 июня] 1904 г.

[Начало письма не сохранилось.— Е. Ч.] ...Я опять в board[ing] hous'e⁸. Кстати, знаешь как я справился с мебелью? Только условие: чтоб ты на меня не сердилась. Стол, кровать и клеенку я взял

⁴ Речь идет о библиотеке Британского музея, где Чуковский постоянно занимался. «Я с остервенением сажусь за свои книги, — писал он жене. — Я бесконечно учу слова (их уже очень немного), я читаю в постели, за обедом, на улице. В музей я прихожу в 9 — 10, а ухожу после звонка... Все я делаю для тебя, для того, что когда мы свидимся, я мог бы тебе рассказать, тебя научить».

В. Жаботинский на правах старшего наставлял молодого автора в письме из редакции «Одесских новостей»: «Вашиими корреспонденциями я недоволен. Знаете, что я думаю? Вы просто для них мало работаете, а больше для Чехова и для самообразования. Вещи прекрасные, но все-таки уменьшите рвение в эту сторону и приналягте на газетную часть Вашего существования... Для этого, конечно, необходимо больше времени посвящать наблюдениям, а байбляйтеке — или как ее — меньше... Не сидите в библиотеке, тогда все пойдет хорошо» (РГБ, фонд 620, письмо от 10.12.1903).

⁵ Наум Леонтьевич Геккер (1862—1920), журналист, в те годы постоянно печатался в «Одесских новостях».

⁶ Т. е. на тех улицах, где Чуковские жили в 1904 году. Названия улиц написаны по-английски.

⁷ Мужа (англ.).

⁸ Пансионат (англ.).

с собою. Остальное раздарил соседям. Братъ его было нельзя, продать — никто не купит, а народ там, сама помнишь, бедный. Стулья, машинку, матрац, умывальник — я все подарил... Не сердись? Только напиши взаправду. <...> Девочка, я безумно одинок, вокруг меня свиные морды какие-то. С тобой нигде не страшно. Но как трудно мне без тебя, ты не знаешь и совсем меня не жалеешь, совсем. Вчера у меня был праздник. Получил телеграмму. Со вчерашнего дня стал вести дневник. Снялся вчера, чтобы показать сыну, какой был его отец, когда он родился⁹. Вышел очень очень плохо, т.к. страшно волновался и был изнурен: таскал корзину из Gloucest[er] St[reet] в board[ing] house 4 раза. Все книги, бумаги и чорт знает что. Галстук измятый, воротник грязный, лицо исцарапанное, глаза безцветные, шляпа нечищенная — не беда. Я пошлю тебе через неделю. Попроси Спир[идона] Герасимовича, чтобы он сфотографировал тебя с сыном, безумно хочется видеть. — И потом вечером ходил в Hippodrome с Лазурским¹⁰, безумно хохотал над клоуном, восхищался слоном, который кувыркается как мальчишка, и всемоу Hippodrome'у хотел крикнуть, что у меня родился сын. Отпраздновал.

[июнь 1904]

[Начало письма не сохранилось. — Е. Ч.] ...Но страшно хочется поболтать с тобою. Получил от тебя письмо, которое ты написала за день до родов. Спасибо тебе, дорогая. У меня весь гнев на тебя прошел. Я сам порвал то письмо твое. Вчера вечером писал «Онегина». Сегодня всюду ищу одно стихотворение Гейне, переведенное на английский. Божественное. Ну да уж в другой раз. Как ты себя чувствуешь? Если хорошо, то и мне очень хорошо, очень. Верь мне. <...> Boarding house, а у тебя в письме описка: Bording. Не хорошо. Сыщи у Лонгфелло «The day is done...»¹¹ и переведи Боре¹². Лучшее стихотворение Лонгфелло. Какой размер. Как это хорошо: «чувство печали и томления, которое не родственно горю; и так похоже на горе, как туман похож на дождь» (3-я строфа). И размер передает именно такое чувство. Человеку не по себе. Ему чего-то хочется, он чего-то боится. И как естественно это обращение: почитай мне из какого-ни-

⁹ Чуковский получил из Одессы телеграмму с известием о рождении сына. Его старший сын — Николай — родился 20 мая (2 июня) 1904 года.

¹⁰ Владимир Федорович Лазурский (1869—1943), историк литературы. В 1904 году Лазурский жил в Лондоне и дружил с Чуковским. 22 августа 1904 года К. И. отмечает в дневнике: «Лазурский добр и внимателен ко мне, как родной. Без него я пропал бы. Это такой хороший, деликатный человек».

¹¹ Первая строка стихотворения «День закончен...» (англ.).

¹² Упомянут Боря Кац, одесский знакомый Чуковских.

¹³ Александр Митрофанович Федоров (1868—1949, умер за границей), поэт, переводчик. В 1960-е годы Чуковский написал о нем воспоминания «Две королевы» (см.: Корней Чуковский. Собр. соч. Т. 4).

¹⁴ Такие песни имеют силу успокаивать / Неспokoйный импульс заботы / И приходят как благословение, / Которое следует за молитвой (англ.).

¹⁵ «Мост» (англ.).

будь *небольшого* (humble) поэта (7-я строфа).

Именно *небольшого*. У *большого* чувства громадные, мысли широкие — и становится еще страшнее, еще печальнее. А *небольшой* — ну как Федоров¹³ — он удобнее:

Such songs have power to quiet
The restless pulse of care,
And come like the benediction
That follows after prayer¹⁴.

Но сам он *большой* поэт, и потому он не дает этого benediction. Единственный Пушкин из гениев успокаивает всегда.

Прочти также его «Bridge»¹⁵. Удивительно прозрачное. Как раз июньское. <...> Кстати, знаешь ты мое стихотворение конторскому Полякову? Экспромт, ей-богу:

Уж уехал я из Сити,
Не живу на Глостер Стрите,
Так что вы благоволите
Адрес мой переменить.
Поклонитесь вашим детям
И скажите крошкям этим,
Что Чуковский
Не таковский,
Чтобы их забыть;
Что когда мы вновь их встретим,
Будем мы с Чуковским третьим,
А покуда
Им не худо
Первого любить.

Лондон, 1904. Снимал К. Чуковский. Фотография вклеена в его дневник

Портрет К. Чуковского работы
Н. Войтинской. 1909

Не правда ли ничего себе? Я написал еще экспромт в Париж. Тем студенткам, которые прислали мне шоколад. Мне тоже нравится, но только если я сам читаю. Я дал Лазурскому прочитать — вышла дрянь. Лаз[урский] поражен моим аппетитом. Он поздравляет тебя с сыном и спрашивает, так ли обжорлив сын, как и отец. Ну вот слушай эти стихи:

О мне не ведомы оне,
Те ручки, что прислали мне
В наивно связанном пакете
Приветы сладостные эти.
О мне неведомы оне
В чужой холодной стороне.

Но благодарно их целую
За незаслуженный привет
У бога доброго молю я
Их ото всех избавить бед.
И благодарно их целую
Их, неизведанных, люблю я.

Да будут счастливы оне,
Да будет жизнь для них отрада,
Как та, какую дали мне
Вот эти плитки шоколада.
И да вовек оне дарят
Бездольным людям шоколад!

Немножко старческое. Следовало бы сильней. Не беда. Я бы тебе написал из «Онегина» что-нибудь, да хочется, чтоб впечатление не разрывалось. Когда закончу. Он выходит гораздо лучше, чем я ожидал. Звонят к lunch'у¹⁶ — уже час. А я еще ничего не сделал. Слушай. Скажи Боре, пусть приезжает сюда. <...> Англия научит его много-

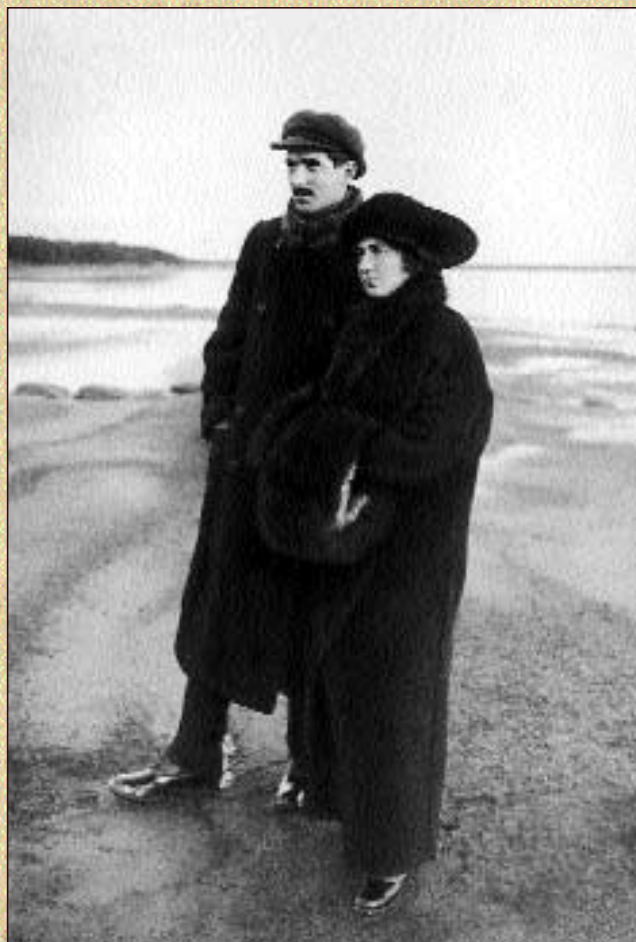
¹⁶ Обед в полдень, в середине рабочего дня, ленч (англ.).

му, и главное, любить Россию. Это самая драгоценная наука — умение полюбить *свое*. Скажи ему, что я стал националистом, пусть он выругает меня за это...

[июнь 1904]

Муценьки, куценьки, дорогусеньки!

Как поживаете? Теперь воскресенье, и я счастлив, что смогу поболтать с тобой немножко. Занят по уши. Был сильно болен, простудился — и, если б Ньюся не приехала, подход бы. Не писал корреспонденций, и теперь на меня горячка работы напала — всё хочется сделать, прочесть, написать. Погода здесь душная, дышать нечем, обессилила меня ужасно. Пошел я сегодня в Regent Park, — помнишь, где мы с тобой поссорились, — лег на траву, закрыл глаза и стал представлять тебя; какая у тебя улыбка, какая походка, — и у меня в воображении вечно сплетались Маша-девушка, Маша-жена, Маша-мать. Какая бешеная разница, — и как я безумно люблю всех троих. Но слить эту троицу в один облик я не сумел — мне казалось, будто это три разных человека, которых я знал в разное время. И любил совсем разными любовями. Теперь от тебя три дня нету писем, и я волнуюсь, — совсем другим волнением, чем волновался бы, если б такое случилось прежде. Девочка моя, молодая моя! Мы ведь с тобой до того

Корней Иванович с женой Марией Борисовной.
Куоккала, 1910-е годы

молоды, что просто смешно. Из литераторов мо-
ложе меня Пустынин¹⁷, из отцов — никто.

[весна 1905]

Девуля моя ясная! Сiju в редакции дожидаюсь
Исаю Мойсеевича. Только что на «Вишневом саде»
О. Чюмина¹⁸ познакомила меня с Станиславским, и
у меня с ним вечером назначено свидание. По-мое-
му — он величайший из современных артистов.
Тебе и во сне не снилось, что можно так сыграть
Гаева, Шабельского, Сатина, как играет он. Удиви-
тельно! Да и вообще Художественный театр — это
сказка какая-то... Я эти дни как сумасшедший хо-
жу. Мой Чехов, мой нежный вселюбящий Чехов
вновь возродился предо мною, и снова любишь
жизнь, любишь людей, хочешь молиться, жить...
С Станиславским я буду говорить для «Теат[раль-
ной] России». Хочу непременно 100 р. в эту неделю
заработать. На мне — рецензии о Худож[ествен-
ном] театре, статейка о Шиллере, и вот это интер-
вью...¹⁹ Дал бы Бог... Прихожу домой — смотрю, у
меня на столе мой Колька, трогательно-беспомощ-
ный, умненький, жалкенький, близкий: бб-у! Воло-
сенки уже отросли у него. Ручкой себя за платяще
ухватил и смотрит, смотрит... Вот если деньги бу-
дут, — рамку ему закажу шикарную... Счастье мое!
Погоди еще недельку — и весь май — наш. <...>

Знаешь, робею я, идучи к Станиславскому. Если
бы ты хоть на минуточку его повидала, ты поняла бы
меня. На меня искусство так действует, что я у ху-
дожника руки готов целовать. По-моему, Федорову
многое простится за некоторые стихи его... Если бы
ты повидала Книппер — жену Чехова — в роли Ра-
невской, если б ты увидела эти декорации, эти кост-
юмы, — этот ансамбль — Качалова, Москвина,
Артема, — ты поняла бы, что все Савины, Комми-
саржевские, Дальские и как их там еще зовут, не
стоят ни гроша. <...>

Количкин портрет сейчас предо мною — так
недоуменно он смотрит на меня. В красненькой

рубашончке. Купить бы ему эту колясочку —
смотри, как ровно он сидит. Это чудная идея
снять его. Нам нужно сняться вместе. А то поста-
реем — и забудем, какими были в молодости. А
мы еще молоды, Маша. Будущее у нас впереди.
Весною как-то думается о будущем — и мне на-
стойчиво кажется, что оно будет у нас светлое,
нежное, любовное... Смотри, разве мы малого
достигли: нам обоим и 50 лет нету, а у нас чуд-
ный сын, всюду мы побывали, пережили тысячью
разнообразных жизней, попеременяли тысячу
обстановок, у меня, какое бы ни было, а есть не-
которое литературное прошлое, есть позади 3 1/2
года работы... Деньги, ты знаешь, они у нас бу-
дут, будут непременно, стоит только работать.
Будут деньги, чуть только мы переедем в Питер,
устроимся здесь — лучше, удобнее, самостоя-
тельнее. Я летом буду читать, заниматься фило-
софией, как когда-то²⁰, а то я слишком кинулся в
область художественных восприятий. Между тем
философия любимейшая моя область, — и за-
бросить ее грех...

[1905]

Девуличка моя дорогая. Грустно мне тут без
тебя. Я сегодня как помешанный ходил по горо-
ду. Был сегодня у Куприна — он дает для «Сигна-

А.И. Куприн с собакой Сапсаном.

Надпись на фотографии:
«Милому Корнею Ивановичу Чуковскому —
знак дружбы. Ал. Куприн.
От меня привет. Сапсан II
(P.S. Он еще плохо пишет. А.К.)»

¹⁷ Михаил Яковлевич Пустынин (1884—1966),
писатель, до революции — сотрудник сатирических
журналов, автор фельетонов, басен, эпиграмм, адресат
шуточных стихов Чуковского (см.: К. Чуковский.
Дневник. 1901—1929. М.: Сов. писатель, 1991. С. 19).

¹⁸ Ольга Николаевна Чюмина (1864/65—1909), поэтесса,
переводчица, в 1905 году сотрудничала в журнале
«Сигнал», издаваемом Чуковским, и освободила его из
тюрьмы, внося за него залог. Подробнее о ней см.:
Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского.
М.: Премьера, 1999. С. 142.

¹⁹ Перечислены статьи Чуковского, которые он написал
и опубликовал в журнале «Театральная Россия» (ТР):
«Московский Художественный театр: «Иванов», драма
Чехова; (ТР. 1905, № 17); «Слепые», «Там внутри», драма
Метерлинка; Памяти Шиллера... (ТР. 1905, № 18).
Интервью с К.С. Станиславским опубликовано позже
(см.: Драма жизни: беседа с К.С. Станиславским //
Сегодня, Пб., 1907. 4 мая).

²⁰ Первые статьи девятнадцатилетнего Чуковского
были посвящены вопросам философии. См.: К вечно-
юному вопросу: (Об «искусстве для искусства») // Одес.
новости. 1901. 27 нояб.; Письма о современности:
Письмо первое: Индивидуализм; Марксизм;
Декадентство // Одес. новости. 1902. 23 мая; Дарвинизм и
Леонид Андреев: Второе «письмо о современности» //
Одес. новости. 1902. 21, 24 июня.

Корней Иванович и Боба, Лида, Коля. Куоккала. Около 1912

ла» рассказ — (о чем мы завтра объявим во многих газетах)²¹. Потом, стыдясь вернуться в квартиру, за которую еще не заплачено — пошел шататься по городу. Теперь я живу на Вас[ильевском] Острове — и потому я бросился к Дитте Слонимской — но... она уезжала играть у Яворской²². Мило встретила, велела тебе кланяться, — но через 2 секунды я вместе со своею тоской — опять очутился на улице. Куда? Куда? Люди проходят, люди уходят — конки звенят, извозчики пристают, куда? Поехал я к Леле и Володе. У них проскучал весь вечер — Леля говорила детским языком, Володя грыз орешки — словом, все как следует. И я чувствовал, что все же нахожусь в обществе очень интересного человека, и этот интересный человек — я сам...

А вот уже и другой день. Среда. Сегодня я обедаю у Куприных, а завтра у Слонимских. Вообще, с того дня как ты уехала, я еще ни разу не обедал дома или в ресторане.

Вчера Куприн мне очень понравился. Так как он пьянствует, то жена поселила его не в своей квартире, а в другой, — специально для этой цели предназначенной. В особнячке, куда можно пройти через кухню Марьи Карловны. Там — обрюзгший, жирный, хрипящий — живет этот великий человек, получая из хозяйской кухни — чай, обед, ужин... Убранство: диван, кровать, книги, книги, книги, — и белый сосновый стол. «Это мой альбом», говорит Куприн: весь стол исписан Л. Андреевым, Скитальцем, Горьким, Фидлером, Троянским и т. д. Куприн попросил и меня расписаться. Я написал ему: «Он был с-д, она с-р», которое ему очень нравится²³. <...>

В Петербурге оцепенение — и никто не знает, что будет дальше. У нас ведь так: когда начинаются забастовки, так все думают, что забастовки будут длиться всю жизнь, а когда репрессии, так всем кажется, что репрессиям не будет конца. Ну будь здорова и спокойна — целую те-

бя в лоб. А сам до рассвета сяду учить английские слова.

[вторая половина января 1906]

Дорогая моя девулька!

Пишу тебе и боюсь. А вдруг ты уже выехала? Что, получила деньги? Я послал их тебе по телеграфу — и почти уверен, что ты их заплатила за билет до Петербурга. Напрасно. Подожди еще недельку — может быть, морозы спадут. К тому же — имей в виду, что с этой квартиры я удаляюсь. Хозяев моих описали, да и я остался при одной мебели — собственном портрете. Ах да! У

меня есть еще один чудный портрет. Любимов, — ты знаешь его работы, — нарисовал с меня гениальную карикатуру акварелью. Я, понимаешь, обвязанный платками (на глазах у меня ячмени) сижу громадина

на кровати. Кто ни глянет, хохочет ужасно. Вообще Любимов для нас находка²⁴. Журнал наш сегодня за-

конфисковали — но на этот раз мы не были идиотами — и полиции досталось только 10 000 экземпляров. Сатирический журнал издавать в Петербурге теперь невозможно, и я про-

ектирую преобразовать «Сигналы» в чисто литературный журнал с легким оттенком сатиры. Да ну их к дьяволу —

эти «Сигналы» — не пиши мне о них ничего. Гораздо интереснее вот что. Вчера лежу я в постели. У меня в гостях Пустынин и Красников — знаешь такого? — вдруг является Михайла: Корнелий Иваныч, идите в контору. Александр Адольфович по-

сылает вам шоколаду — и черную повязку для глаза — вас просит господин Дымов²⁵. Встаю — мороз ужасный — иду. Прихожу. Дымов, Айзеншер, Пустынин, Потемкин²⁶ — обычная наша публика — толпятся вокруг черного высокого господина. Стыдливого такого. Очень простого и все будто задумавшегося. — «Я, Корней Иваныч, к вам». — Я думаю, что это какой-нибудь

Портрет М.Б. Чуковской работы И.Е. Репина. Куоккала, 1909

²¹ Сразу после революции 1905 года Чуковский стал редактором-издателем сатирического журнала «Сигнал». В своих воспоминаниях о Куприне он рассказывает, как обратился к Куприну за рассказом для этого журнала. Куприн дал ему рассказ под названием «Гост» (см.: К. Чуковский. Куприн. В сб.: Современники (Собр. соч. Т. 5) и «Сигнал» (Собр. соч. Т. 4).

²² Лидия Борисовна Яворская (кн. Бярятинская, 1871—1921, умерла за границей), актриса, антрепренер.

²³ Кроме известных писателей, названы: переводчик, коллекционер Федор Федорович Фидлер (1859—1917) и художник Петр Николаевич Троянский (ум.1923). Стихотворение Чуковского «Он был с-д, она с-р...» напечатано под названием «Как они соединились: Баллада» // Сигналы, 1906, № 1. С. 3.

В воспоминаниях о Куприне Чуковский вспоминает и его «деревянный альбом» — «простой березовый некрашенный стол, на доске которого многие литераторы, большие и малые, оставили по несколько строк: экспромты, остроты, афоризмы, стишки».

²⁴ Александр Михайлович Любимов (1879—1955), художник, сотрудничавший в «Сигналах».

²⁵ Осип Дымов (1879—1959, умер за границей), писатель.

²⁶ Петр Петрович Потемкин (1886—1926, умер за границей), поэт, первые стихи печатал в журнале «Сигнал». В «Чукоккале» сохранилась его пародия на стихотворение Чуковского «Он был с-д, она с-р.», см.: Чукоккала. М., 1999. С. 142.

художник, прошу его подождать, а сам выхожу в другую комнату, болтаю с лысым Давыдом, а Александр Ад[ольфович] мне говорит: отчего же вы Брюсова оставляете одного?

— Какого Брюсова? — «А в той комнате». Бегу, оказывается, что это настоящий Валерий Брюсов. Пришел просить моего постоянного сотрудничества в «Весах». Сразу заговорил о литературе, о Свинберне, о Россетти, о Уитмане. Ему очень понравилось мое «Загорелую толпою»²⁷. А я просто в него влюбился. Знаю, что он не так хорош, что простота у него деланная, — но все же мне приятно сохранять такой оазис — среди пошлых и скучных встреч последнего времени. — Все какие только не выходят английские книги, «Весы» будут выписывать для меня на свой счет, а я буду писать об этих книгах рецензии. Поговорили мы об этом, он взял мой адрес, — и хочет на днях ко мне заглянуть. Ко мне вернулись мои глаза — и я опять могу читать. Я рад безумно. <...> Был у Чюминой вчера — обедал. На первое подали блины — я съел 10 штук — и больше ничего есть не мог. Там был Лев Васильевич, Зина, Зверь²⁸ и та незаметная потертая блондинка, которая, кажется, покрыта молью, и которой никто, никто не замечает. Чюмина плачет, не хочет ехать за границу — и уверяет, что ее посадят в крепость. Никто ее не утешает, ибо все уверены в том же. Я же — как это ни глупо — знаю наверняка, что меня осудят, но почему-то верю в свою звезду²⁹. Мне всегда все удавалось, чего я только ни хотел, — и теперь удастся. Я же наглец — по природе, ты это знаешь... Может быть, это зовется наглостью, но... вот сейчас позвонили у дверей, — значит, я трус. Друг мой, дорогая моя, — у меня отчего-то так покойно на душе, так ровно, так хочется работать, знать, любить людей, доставить тебе счастье, будто мне сегодня стукнуло 35 лет. Сейчас кончу это письмо, пойду к Слонимским, там Зина Венгерова³⁰, — хочу у нее достать «Academy» и «Athenaeum» — два английских журнала, из которых узнаю, какие книги мне выписать из Англии. Да, когда будешь ехать в Питер, захвати побольше моих книг. Возьми «За двадцать лет»

Бельтова³¹, если есть «Urbi et orbi» Брюсова, Бальмонта, Swinborne, и эти толстенные, шиллинговые, знаешь, в красненьких и коричневеньких переплетцах. И кстати: пиши мне на такой адрес: В.О. 13 линия, д. 2. Редакция «Сигналов», К.И. Чуковскому.

[Приписка:] Ты должно быть не знаешь, что из-за моих «Загорелую толпою» убили в Москве человека. Нашли у него стихотворение, сочли за прокламацию и убили. Было об этом в Москве.

5.12.07 Москва. n/шт

Ну вот и кончилось. Приехав в Москву, я тотчас же сел писать и проработал от 9 утра до 9 вечера. Реферат вышел ничего себе. Прочитал я его без запинки. Возражали мне идиоты и — Андрей Белый, который не возражал, а восхвалял. Был у меня с визитом Борис Зайцев, а сейчас я иду в Третьяковку, оттуда в «Русскую мысль», оттуда к Брюсову. В 7 часов мы с Белым идем в кинематограф. Завтра должно быть я выезжаю. Живу я у очень, очень, очень богатых купцов, у меня не комната, а дворец, и скажи Тану³², что уже поставлено в клубе, чтобы и его поселить здесь. Старинный поместный дом с колоннами, и арками, и огромной широчайшей лестницей. Читала ты, что пишет Блок обо мне в «Часе»? «Час» есть у Вл[адимира] Г[алактионовича], возьми и прочти³³. Катаешься ли ты на лыжах? Я видел многих знакомых, студента Розена, Ликиардопуло, Каллаша³⁴, Бунина и др. Кланяйся Танам, и Володе, и дворнику Семену.

Твой муж и повелитель

27.7.11 Казань. n/шт

Милая Маша! Подъезжаем к Казани. Я не могу нарадоваться своей поездкой. Чудо как хорошо. Какие берега, какие виды церкви, какие песни, сколько городов я видел и в каком комфорте я живу. Компания подобралась милая. Студент, гимназист, курящая, пьющая девица 17 лет, ее гувернантка-англичанка Miss Craven (энергичная девица) — купцы — и множество детей. Ты, конечно, понимаешь, что больше всего я с

²⁷ Упомянуто стихотворение У. Уитмена «Призывная песня» («Загорелую толпою...»), напечатанное в переводе К. Чуковского в газете «Мысль», 1906. 23 июня (6 июля).

²⁸ Муж Ольги Чюминой.

²⁹ Против Чуковского было возбуждено судебное дело «Об оскорблении Величества».

³⁰ Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867—1941, умерла за границей), историк западноевропейской литературы, критик.

³¹ Бельтов — псевдоним философа, публициста, историка Георгия Валентиновича Плеханова (1856—1918).

³² Владимир Германович Тан (наст. фам. Богораз, 1865—1936), писатель, этнограф.

³³ Упомянута статья А. Блока «О современной критике» (Час. 1907. 4 дек.). Блок пишет: «Вот уже год, как занимает видное место среди петербургских критиков Корней Чуковский. Его чуткости и талантливости, едкости его пера — отрицать, я думаю, нельзя. Правда, стиль его грешит порой газетной легкостью...» Полемизируя далее со статьями Чуковского о бальмонтовских переводах Уитмена и, главным образом, со статьями о Леониде Андрееве, Блок утверждает: «...у самого г. Чуковского нет одной длинной «фанатической мысли», и потому он всех тянет за разные хвосты и совсем не хочет постараться объединить литературные явления, так или иначе найти двигательный нерв современной литературы... Чуковский — пример беспочвенной критики» (Цит. по: Александр Блок. Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М.-Л.: Худож. лит.-ра, 1962).

Владимир Галактионович — Короленко, который был соседом Чуковских по Куоккале.

³⁴ Упомянуты Михаил Федорович Ликиардопуло (1883—1925, умер за границей), переводчик, критик, журналист, и Владимир Владимирович Каллаш (1886—1919), литературовед, библиограф.

К. Чуковский с женой М.Б. Чуковской, дочерью Лидией и сыном Николаем. Куоккала. Дача Анненковых. 1910-е гг.

детьми. Схожу вниз — в четвертый класс — там мужики в красных рубахах — этакие Стеньки Разины — и опять-таки множество детей. Вчера с ребяташками лепил из глины: сани, мельницу, свиней — а третьего дня играл в бабки... Представь себе: и не жарко, а вечерами — о мудрость Гржебина³⁵ — я надеваю пальто. У нас очень весело — мы целые дни вместе, все пассажиры 1-го класса, и т. к. нет никакого флирта, никаких «пошлостей» — то царит очень простой и приятный дух. Если бы я не скучал по тебе и по детям, то я чувствовал бы себя счастливым. Напиши мне — но куда?

Твой муж

7.8.11 Самара. п/шт

Дорогая Маша. Получил твое письмо — в Саратове, и очень обрадовался. Я теперь еду обратно в СПб. тем же путем — тороплюсь домой: мне хочется писать, а в дороге нельзя. Капитан парохода очень за мной ухаживает, еду я первым классом, привык к пароходу как к своей квартире, — к Волге привык, как к родине. Изумительные ви-

ды! Я уже проехал около *четырёх тысяч верст*, а мне все еще не наскучило. Питаюсь я почти исключительно дынями: в Астрахани они по 5 по 7 коп., а вкус райский. Приехали мы теперь в Самару, я сейчас пойду бродить по этому — уже знакомому — городу. Ах, если бы мне хоть капельку здоровья. Милая моя, какая ты хорошая. Вот я приеду, добудем мебель, устроимся — и давай заживем пощастливее. Я очень рад, что ты пишешь о детках. Я здесь всем о них рассказываю. Народу я поперевидал всякого. Целую тебя — и детей — кланяйся Тоне и Мане.

Твой Коля

[февраль 1912]

Милая Маша!

Ты не можешь себе представить, какое облегчение я испытал, прочитав у тебя в письме, что «Речь» лишила меня жалования. Это меня мучило непрерывно. Наконец-то я свободный человек! Я нисколько не жалею, что взялся за Уайльда: мне нужно было, для моего образования, пройти *сквозь* этого писателя; я многому у него

³⁵ Зиновий Исаевич Гржебин (1877—1929, умер за границей), издатель, совладелец изд-ва «Шиповник», редактор журнала «Жупел». О нем см. также: К. Чуковский. Дневник. 1930—1969. М., 1994. С. 438—439.

К.И. Чуковский и В.Д. Набоков. Февраль 1916
Публикуется впервые

научился, а его стиль, его парадоксы, его блестящая манера, надеюсь, окажут на меня *новое* влияние. Последние два года я так искал этого обновления. Мне хочется побыть здесь еще недели 2, закончить статью об Уайльде — и на 4-й неделе Великого Поста, когда все театры закрыты, прочитать об Уайльде лекцию: под заглавием «Религия Красоты и религия страдания». <...> У меня по поводу Уайльда есть столько мыслей, что хватило бы на целый том. Только бы здоровье, чтобы записать хоть капелючку того, что я думаю и знаю³⁶.

24.4.12 Витебск

В Минске я читал с колоссальным успехом: сбор полный, аплодировали даже когда я проходил по улице. В Гомеле меня чуть не растерзали от восторгов. Но — импресарио вычитает у меня прежний аванс и платит по 50 р. за лекцию. Я

опять попал в полосу бессонницы. Со слезами (!) меня умоляла публика читать еще и еще — но я так измучился, что после Витебска сейчас же махнул в Питер. Теперь еду из Гомеля в Витебск и пишу тебе в вагоне. Кажется, в Вильне повторяется моя лекция, чего я искренне не хочу. Здоровы ли дети? Поправляешься ли ты? Как хорошо в Могилевской губернии.

Твой К.

[4.2.1916]

Дорогая. Скоро — через час — Стокгольм. До сих пор мы едем по бесконечной Куоккале, хотя проехали уже четыре Белоострова, где наши паспорта изучались целыми часами³⁷. Так и кажется, что вон по той тропинке пройдет-проплывет Валентина Блинова³⁸, а по этой промчится на лыжах Кармен³⁹. Те же сосны, те же заборы. И сюда мы едем теплой компанией⁴⁰. Наш принц — Толстой. Он толстый, с графской походкой, говорит медленно — одет солидно: в корреспондентскую или охотничью куртку — но так же много хохочет и ерундит, как прежде. На вокзале в Питере он снял шапку, перекрестился на икону: вот вам крест, что я вас измордую в своих фельетонах. Как смеете вы так запаздывать! — Второй персонаж Mr. Wilton: смесь русского казака и английского барина. По-русски говорит великолепно, ходит в русском полушубке и бараньей шапке. Он ухаживает за нами, как за детьми, заказывает в вагоне-ресторане обеды, сдает багаж, и глаза у него черные, голова седая. Он очень горяч в спорах, искренний, прямой и детски весел. Набоков держится с нами чудно, недавно нес мой чемодан на вокзал — но в стороне: сидит в своем купе и читает. Едем мы первым классом, у каждого отдельная комнатка, так что я хоть немного, да сплю. Третий — Немирович-Данченко. Он рядом со мною. Он уже видел 6 или 7 войн, специалист по войнам, но сейчас ворчит, раздражается. Его злит, должно быть, его старость (хотя держится он молодцом: 73 года), и то, что он не знает ни одного языка, и то, что Толстой рассказывает лучше, чем он, — и он часто повторяет: «Если б я знал, ни за что не поехал бы». Но в общем он любезный и хорошо, товарищески держится. Пятый — нововременец Егоров. У него больное ухо, он перевязан какой-то черной тряпкой, лицо у него изжеванное, все в морщинах, платье небрежное, — тип с картины Маковского. Но он такой домашний, уютный, словно

³⁶ В 1912 году Чуковский редактировал первое в России «Полное собрание сочинений» Оскара Уайльда, выходявшее приложением к журналу «Нива». Для этого собрания он заказывал новые переводы произведений Уайльда, сам кое-что перевел и написал вступительный критико-биографический очерк, который и читал в виде лекции. Позже Чуковский перевел еще несколько произведений Уайльда и в 1922 году выпустил о нем отдельную книгу (см.: К. Чуковский. Собр. соч. Т. 3).

³⁷ Куоккала, где жили до революции Чуковские, находилась в Финляндии. Белоостров — пограничная станция между Финляндией и Россией, где проверяли паспорта у всех едущих из Куоккалы в С.-Петербург.

³⁸ Куоккальская соседка Чуковских, жена учителя рисования Л.Д. Блинова.

³⁹ Лазарь Осипович Кармен (1876—1929), писатель, сосед Чуковских по Куоккале, знакомый еще с одесских времен.

⁴⁰ В делегацию кроме Чуковского входили: Алексей Николаевич Толстой (1882/83—1945), писатель; Роберт Арчибальд Вильтон (Wilton, 1868—1925), корреспондент лондонской газеты «Таймс» в Петрограде, автор книг о России; Владимир Дмитриевич Набоков (1869—1922, убит), юрист, редактор-издатель газеты «Речь», один из лидеров кадетов, отец писателя В. В. Набокова (Сирина); Василий Иванович Немирович-Данченко (1844—1936, умер за границей), писатель; Ефим Александрович Егоров (1861—1935, умер за границей), журналист, сотрудник «Нового времени»; Александр Александрович Башмаков (1858—1943), журналист.

знал его тысячу лет. Последний — Башмаков, бывший редактор «Правительственного вестника», держится в стороне: лысый, юдофоб, очень ученый, по образованию — юрист, с самого Питера начал готовить ту речь, которую он скажет в Лондоне, читает «Историю Англии» и подчеркивает эффектные места.

Мы сделали огромный крюк, проехали всю Швецию сначала на север, потом на юг, к Стокгольму. Англичан пять-шесть семейств, которые сначала держались в стороне, а потом, узнав, что мы едем по приглашению британского правительства, стали очень ласково смотреть в нашу сторону. Есть несколько шотландцев, которые у самого полярного круга ходят при остановках поезда без шапок и водят своих детей гулять с голыми ножками. Я познакомился со многими из них, и один инженер, едущий из Китая, очень безобразный, рябой, сказал мне, что многие англичане дали бы 100.000 рублей, чтоб увидеть то, что мы увидим. Нас ведь будут катать на броненосце, мы будем летать на аэропланах, ездить в подводных лодках и т. д. <...>

До сих пор я не раскаиваюсь, хотя все мои товарищи уже начинают дрожать перед перспективой морского пути. Из Стокгольма мы едем в Христианию⁴¹. Деткам поцелуй, тебе — что хочешь. Трудно писать: качает. Завтра напишу опять.

Твой Корней

[21 февраля 1916]

Итак, из Нью-Кастля мы проехали в Лондон. На вокзале нас встретили репортеры, К. Набоков, Aladin⁴² и проч. Повезли нас в отель «Савой», где для каждого из нас приготовлены огромные чертоги. У меня есть гостиная, спальня, столовая, ванна, — на столах живые цветы, сирень, — всюду десятки зеркал — я даже на картинках не видел такого великолепия. А башмаки у меня дырявые, и вчера я должен был спешно покупать себе фрак: вчера в Reform Club — русско-английское общество давало нам обед сверхъестественный. Рядом со мною сидел Конан Дойль, автор Шерлока, дальше Edmund Gosse, знаменитый критик, редакторы «Morning Post», «Spectator», «Westminster Gazette», и конечно, я сейчас же соорудил «Чукоккала» — и получил множество редчайших автографов⁴³. Завтра будем представляться Королю, а сейчас ночь, я не сплю. Путешествие было дивное — мы ехали дружно — много

гуляли по палубе, без пальто — погода весенняя — небо синее, облака белые, пена сверхъестественная. В поезде из Нью-Кастля в Лондон я ехал 3-м классом, и всю дорогу болтал с солдатами и матросами, чуть прибыл в Лондон — с Miss Peacock, и десятком интервьюеров, потом с портным, потом на банкете со всеми лордами и джентльменами, так что приеду домой с насобаченным языком и во что бы то ни стало буду с тобою болтать по-английски. Милая! Не бросай переводов. Теперь, когда я познакомился с писателями, легко будет доставать рукописи для переводов. Лечись как можешь, надеюсь, что деньги у тебя есть. Вернувшись, я заработаю кучу денег лекциями и статьями. Послезавтра я завтракаю с Ллойд Джорджем⁴⁴, потом нам дают банкет представители прессы и т. д., и т. д. А потом мы едем на броненосце во Францию. Теперь я понял, где я могу излечиться: на пароходе: качка так убаюкивает. Сейчас подошел к окну (а оно величиной с наш дом) и увидел иглу Клеопатры и Темзу, как раз то место, где мы сидели с тобою, когда ты уезжала в Россию. Боже, сколько женщин бегут на работу! В Лондоне теперь женщины всюду, и в Нью-Кастле нашими автомобилями управляли две франтоватые барышни. <...> Здесь, в Лондоне, я думаю о тебе ежесекундно, вспоминаю тебя на каждом шагу. Сегодня буду говорить в телефон с Dioneo⁴⁵ и, может быть, увижу Джорджи-Поджи. Странно подумать, что Dioneo теперь лет 45, а Джорджи — солдат, юноша. Я пойду к Британскому Музею и увижу тебя выходящей из его ворот.

[после 28-го февраля 1916]

Лондон все тот же — и совсем другой. Помнишь омнибусы — с кучерами наверху. Они исчезли. Вместо них тысячи омнибусов-моторов, к[ото]рые так и текут по улицам. Вместо одной under-ground⁴⁶ — теперь целая сеть разветвлений во все стороны. Но по-прежнему сквозняк в коридорах tube'e, по-прежнему кондуктора кричат на каждой станции пугающим голосом: «Блээм-сбери стрит!» — «Гольборн», по-прежнему лошади, везущие кладь, огромны; по-прежнему по утрам горничные моют ступени, по-прежнему большинство магазинов объявляют распродажу и наклеивают на дешевку в окне огромные цифры сбавляемых цен.

⁴¹ Так называлась тогда столица Норвегии — Осло.

⁴² Константин Дмитриевич Набоков (1874—1927), дипломат, брат В.Д. Набокова, с декабря 1915 года — советник русского посольства в Лондоне. Опубликованы письма К.Д. Набокова к К. Чуковскому (см.: К. Набоков. «Ваш читатель Константин Дмитриевич Набоков». В Сб.: Чтение в дореволюционной России. М., 1995. С. 136—152); Алексей Федорович Аладын (Aladin, 1873—?), журналист, член первой Государственной Думы, лидер трудовиков, за пропаганду среди рабочих в 1906 году арестован, приговорен к ссылке, но успел скрыться за границу и с июля 1906 по 1917 год жил в Англии.

⁴³ Автографы, собранные Чуковским во время этой поездки, см.: Чукоккала, 1999 (по Предметному указателю).

⁴⁴ Дэвид Ллойд Джордж (1863—1945), премьер-министр Великобритании (1916—22).

⁴⁵ Dioneo (наст. имя и фам. Исаак Владимирович Шкловский, 1864—1935, умер за границей), публицист, критик, прозаик, переводчик, дядя Виктора Борисовича Шкловского. С лета 1896 года Дионео — постоянный лондонский корреспондент «Русских ведомостей», автор многочисленных статей, корреспонденций, книг об Англии.

⁴⁶ Подземка (англ.).

На пароходе по пути в Англию. Февраль 1916

Сейчас нас позвали в полицию. Я не понимаю, почему. Хотят удостовериться нашу личность. Is it not strange?⁴⁷ Меня принимал король, сэр Эдвард Грей, лорд Китченер и сэр Джон Джеллико (министр иностранных дел, военный министр и командующий всем британским флотом), мне показывали все тайны, недоступные самим англичанам — какие строятся теперь суда, аэропланы и проч., я был в стоянке Главного флота, куда с самого начала войны не мог проникнуть никто — но местный пристав во мне сомневается!

Встретил в гостинице полицейского, объяснил ему всё — и он, узнав, что я гость британского правительства, разрешил мне не ходить в участок.

Только что вернулся из лагеря, где живут солдаты австралийцы. Нас возил туда их главнокомандующий сэр Ньютон Мур, генерал, — и первый министр Фишер, бывший когда-то рудокопом, а теперь первый после короля во всей Австралии⁴⁸. Как ты, должно быть, знаешь, австралийцы были посланы англичанами в Галлиполи, и

там турки истребили их огромное множество — и вот теперь остатки их войска приехали в Лондон. Их встретили как героев и мучеников, их заласкали, задарили подарками. Ты бы посмотрела, как они живут. Их казармы — дворцы, ходят они важно, чести офицерам не отдают. Генерал делает им смотр, а в это время снимают его кодаком. Мы с Фишером вошли в один барак, солдаты играли в карты — и не бросили ни на минуту играть. Мне они так понравились (все похожи на Шаляпина), что я остался с ними весь день, ходил из казармы в казарму, нашел среди них знаменитого героя, который, жертвуя жизнью, спас товарищей, пробыв 50 часов под огнем. Этот герой⁴⁹ оказался щуплым евреем, очень похожим на Волынского⁵⁰. Я напишу о нем в «Речь».

Детей я никаких видеть не могу, так скучаю по своим. Недавно, когда я сидел у посла, вошла к нему его внучка, с голыми ножками, англичаночка (как рисуют на картинках) — и сказала — Grand-pa! Sugar, please!⁵¹ — и принесла ему огром-

⁴⁷ Разве это не странно? (англ.).

⁴⁸ Свои впечатления Чуковский подробно описал в статье «Австралийцы» (Русское слово. 1916. 1 (14) мая). Из этой статьи мы узнаем, что Фишер — «полномочный представитель австралийской колонии при британском правительстве. Один из создателей австралийского флота».

⁴⁹ В статье «Австралийцы» Чуковский назвал его имя — Кизор и описал его подвиги.

⁵⁰ Аким Львович Волынский (1863—1926), критик, искусствовед. Его портрет дан Чуковским в воспоминаниях «Две Королевы» (Собр. соч. Т. 4. С. 515—516).

⁵¹ Дедушка! Пожалуйста, дай сахар! (англ.).

ную сахарницу — он вынул кусок сахара и положил ей в рот.

Я чуть не разревелся, вспомнив Бобу⁵².

Ну, прощай. От тебя только одно письмо. Тороплюсь писать статью.

Твой К.

[март 1916]

[Начало письма не сохранилось. — Е.Ч.] ...не знает ни звука. Оттуда я через пять минут вернулся в «Савой», нашу гостиницу, откуда тотчас же должны были ехать к лорду Китченеру⁵³ в Военное министерство. Опять автомобили. По лестнице вверх. Масса солдат, офицеров снует по лестнице. Городовые. Нас встречают секретари Китченера, низенькие приятные человечки. Я сдуру захватил для Чукоккалы тетрадь. Но автографа не добился. Гениальный организатор четырехмиллионной армии, молодежавый, но очень суровый мужчина, с нависшими бровями, принял нас на секунду; мы ввалились в комнату в пальто. Он отрывисто спросил: «А видели флот? Он вам понравился? Были во Франции? Кланяйтесь русским солдатам» (и так далее — все в одну секунду). Оттуда мы поехали к лорду Уэрделю⁵⁴, пригласившему нас в Автомобильный клуб пить чай. Русская офицерская форма Набокова привлекает общее внимание. Мы сели в шикарной чайной комнате за два столика. Толстой повел себя по-московски — непринужденно. Его ужасно возмущает, что он [не] может выписать к себе Крандиевскую⁵⁵, свою гражданскую жену. Об этом он и заговорил очень громко. — Потом лорд Уэрдель, маленький краснолицый весельчак, повел нас вниз показать гордость клуба — огромный бассейн, где каждый член клуба может купаться, нырять и плавать — особенно после выпивки. Так нас мотают целые дни — не давая никакой возможности написать ни строки, отдохнуть, сосредоточиться, очнуться. Французское правительство пригласило нас также во Францию — но я отказался, ибо чувствую, что изнемог окончательно и писать ни о чем не умею. Мне в этих огромных палатах кажется раем маленькая комнатка в Куоккале. Чернилами я пишу на другой день, ибо увы, меня прервали и послали к русскому послу. Посол, очень милый старик, граф Бенкендорф, оказывается уже неделю назад получил приглашение для нас со сторон французских властей, но ответа мы французскому правительству не дали, и он просил нас немедленно дать ответ. Про-

стившись с ним — я поспешил к товарищам; выяснилось, что я и Набоков возвращаемся в Россию через недели две, а Немирович, Толстой, Егоров и Башмаков едут на французские позиции. Сегодня утром нас — в специальном поезде возили в Портсмут. Боже, что мы там видели! И опять речи, угощения и проч. Вернулись мы поздно. Вечер. В голове вертятся заводы, доки, аэропланы, броненосцы — а завтра мы с утра едем в город Альдершот, смотреть ученье солдат. Сейчас я пойду наполню водою ванну — и вымоюсь дочиستا, а потом опять сяду писать. Здесь всюду трава зеленая, в парках цветут подснежники, — и в деревне погода кажется иногда майской. Очень, очень хорошо, и люди отличные, сытые, но у меня такая почему-то тоска, что я боюсь оставаться один... Получила ли ты то письмо, где я описываю свое свиданье с Жаботинским⁵⁶, Зинаидой Венгеровой и Фарбманом? Жаботинский — очень пустопорожен, то есть провинциален и скучноват, хотя мил бесконечно! Не чувствуется обаяния таланта. Я обедал с ним у Шкловской, и это было скучнейшее время. Боже до чего я устал. — В ванну!

Ну вот после ванны. Поужинал: яичница и компот. У нас собственная столовая. Собрались Егоров, Толстой и Немирович... Опять прервали. Прощай. Целую.

Деток очень целую тоже. Жаль, что не взял их карточки.

(продолжение письма, написанного ночью)

Сейчас была у меня Дионейша, ничуть не постарела, добрая по-прежнему, мы с ней вспоминали былое, проехали на верхушке омнибуса — просит передать тебе поцелуй. Покажи детям вид на конверте: это тот отель, где мы стоим. Сегодня во всех газетах появились о нас статьи и статейки, от репортеров нет отбою. Сейчас заезжал с визитом лорд Уэрдль, — я чувствую себя каким-то Хлестаковым.

Сегодня в Лондоне гнусно: снег, дождь. Я простудился — кажется, завтра слягу. И вообще, шепну тебе, что мне вся эта суэта — тягостна.

Ах, если бы вместо меня был Коля, он навеки был бы восхищен. А мне и смотреть не хочется после бессонницы.

Твой муж К.И. Чуковский

Вступление, публикация и примечания
Елены Чуковской

⁵² Боба — Борис Чуковский (1910—1941), младший сын К. Чуковского.

⁵³ Горацио Герберт Китченер (1850—1916), английский военный министр.

⁵⁴ Филипп Джеймс Уэрдль (1847—1923), президент межпарламентского союза.

⁵⁵ Наталия Васильевна Крандиевская (1888—1963), поэтесса.

⁵⁶ Владимир Евгеньевич Жаботинский (1880—1940), писатель, переводчик, журналист. Учился в Одессе в одной гимназии с Чуковским и одновременно с ним был исключен из гимназии за участие в рукописном журнале. В начале 1900-х годов привлек Чуковского к сотрудничеству в «Одесских новостях», где сам постоянно печатался. После еврейского погрома в Кишиневе в 1903 году Жаботинский стал одним из руководителей сионистского движения в России. С началом Первой мировой войны Жаботинский как корреспондент «Русских ведомостей» выехал в Европу и регулярно публиковал заметки о боевых действиях англичан на Ближнем Востоке.